

# До шестнадцати и старше

Первая группа писем принадлежит поклонникам серьезной музыки. Мне эта группа людей ближе — это «мой» слушатели (не в том смысле, что они слушают именно мою музыку, а в том, что круг любимых ими жанров и имен близок мне и любим мною).

Отрадно было прочесть письмо В. Ковалева (Москва), особенно о его совместных с девятилетним сыном посещениях вечеров камерной музыки — это ли не воспитание? Письмо инженера Г. Седелникова, Г. Студенниковой из Крыма, А. Карачевского из Ивано-Франковска, И. Миргородского из Камышина, художника В. Плетухина, Н. Барышника, М. Мангушева и многих других. Искренняя любовь читателей к музыке не как к предмету потребления, а как к огромной прекрасной части мировой культуры, как к неисчерпаемому источнику духовной энергии единодушна. Хотел бы остановиться на одном письме — коротком, достаточно простодушном и столь неразборчиво написанном, что я могу ошибиться в имени автора — девушки восемнадцати лет, работницы Ленинградского почтамта. Мне понравились мысли автора о том, что музыка должна быть не вокруг, а внутри нас, о том, что подлинное искусство — это то, что испытано временем, ибо подделки забываются. В 15 лет Лену увлекли песни ансамбля «Машинка времени». Сейчас ей 18, и ее потянула к себе классическая музыка. «Она глубже», — пишет девушка. Точно сказано. Мне автор письма представляется серьезным человеком, а у такого человека жизнь обязательно развивается именно «вглубь».

Высокое искусство многомерно. Реквием Моцарта можно послушать и в радости, получив наслаждение от красоты музыки. Но в минуту жизни трудную — а жизнь, к счастью, не вечер танцев и смеха — Моцарт придет на помощь. Как верный друг. И не только он один.

А теперь о тех письмах, авторы которых рьяно голосуют за музыку легкую.

Начну с семнадцатилетних:

— Молодежь будет слушать то, что ей хочется, а не то, что ей навязывают!!!  
— Надо видеть слабости в Моцарте, чтобы не застыть на месте.  
— ...так как наша жизнь усложнена, много суесть, мы издерганы, то хочется напиться радости и тепла, и, наверное, поэтому естественно влечение к современной музыке.

Письма этой возрастной группы написаны словно бы одним человеком. Знаете, что мне сразу представляется, когда я перебираю эти письма? Гензель и Гретель из сказки братьев Гримм. Как они, устав от передрыг жизни в лесу, объезжают пряничный домик, хрустят кусками глазированной крыши и, выломав целиком леденцовое окошко, облизывают его и кажутся себе победителями... И правда — как красив мир через такое окошко — и можно, наконец, встать отдохнуть... А ведьма уже разводит огонь под большим котлом, довольно поглядывая на пир маленьких бедолаг...

Спешу сразу оговориться — разговор в этих письмах идет не о недостаточной пропаганде советской песни и эстрадной инструментальной музыки, не о путях их развития.

Юных корреспондентов, письма которых я прочитал, волнует лишь «наиновейшая» и в основном заграницная поп-музыка всех мастей.

Да, к сожалению, многое упущено в эстетическом воспитании: сласти кажутся некоторым лучшим угощением — вкуснее хлеба, который еще выпекать, а до того тесто месить, да муку молоть, да колосья растить, да зерно сеять, да землю пахать...

Конечно, можно, вероятно, и в Моцарте найти недостатки. Правда, чтобы их найти, нужно сначала прослушать всего Моцарта. И в разных исполнениях. Но мы сейчас не о Моцарте и даже не о Верди, который тоже подвергается сомнению в письмах молодых читателей наряду с Бизе и Сметаной. Думаю, впрочем, что и творчество этих авторов тоже не исследовано агрессивными критиками с большой тщательностью. Речь идет о двух позициях: 1) мы все равно будем слушать то, что мы хотим; 2) хорошо то, что современно.

Все мы помним высказывание Бетховена: «Музыка — душа народа».

Живая душа — с ее традициями, ладом, строем, мелодикой, та душа, что помогала в ратных подвигах и в труде, утешала в горе и родила в праздники, встречала при входе в мир и провожала в последний путь, — эту душу наши идеологические противники пытаются изъять и подменить... Чем? А тем «запретным» плодом, что кажется таким сладким, особенно для юного существа. Негоже слушать? Тем более интересно. А если у нас не издается фирмой «Мелодия» — так уж наверняка шедевр. И требуют молодые сердитые голоса — изда-

вайте, тиражируйте, пропагандируйте. Должны же мы быть в курсе зарубежной музыки? Да, должны. Но почему почти в каждой стране — во Франции, Италии, Испании (о странах социализма я уж не говорю) прогрессивные деятели искусства и молодые музыкальные силы борются против американского образца порабощения масс-культурой? Тот самый Верди, который так прискучил молодому ленинградцу Александру Григорьеву, стал знаменем борьбы группы итальянских молодых композиторов за возрождение классической оперы. «Нас обманули, у народа отнимается культура, мы обязаны встать на ее защиту» — примерно так звучит их лозунг. Можно было бы много написать и о певцах и ансамблях, оживляющих и развивающих полудушенную национальную музыкальную культуру во Франции. Наши друзья венгры ввели во многих средних школах фольклорный класс, считая, что без знания и любви к родной культуре не может вырасти интеллигентный человек и настоящий патриот. Тема эта неисчерпаема. Движение

## Письма читателей комментирует композитор Кирилл Волков

ширится, и оно обнадеживает. Но не мы ли — с нашей огромной музыкальной культурой и нашей самой передовой идеологией — должны были бы стоять во главе этого движения?

Теперь о положении «хорошо то, что современно». Увы, не все хорошо, что написано сегодня. Термин «музыкальная наркомания» — уже не только идеологический, он и медицинский. Оглушительные децибелы приводят к глухоте, судорожно мигающие огни дискотек порождают нервные болезни и отклонения, которые не всегда заметны на первый взгляд. И в первом поколении. Но весьма явно сказываются на втором. А что будет с третьим — тут большой вопрос... И получается, что не такая уж она легкая — эта музыка, которая, кстати, по мнению ряда специалистов, после определенного времени проступивания в условиях «идеальной» свето-цвето-звуковой дискотекки возбуждает «звуковое опьянение», влекущее за собой частую потребность в приеме алкоголя или наркотика.

Здесь я уже обращаюсь к тем взрослым нашим корреспондентам, которые, снисходительно отнесясь к увлечениям и вкусам определенной части молодежи, настроены добродушно.

«Очередную кампанию по поводу легкой музыки всерьез не принимаю — это уже было не раз... Пусть музыка «не та» — бед в этом не вижу» (Г. ПУШКАРЕВ, Свердловск).

Подобные точки зрения встречаются и в других «взрослых» письмах. Мне они горьки. Потому, что «кампания» и в прежние времена были, очевидно, не всегда безосновательными. Ведь не могли же все не понимать, когда только просачивались первые манящие ароматы заморских шлагеров, грядущую опасность.

Сейчас время бить тревогу. И если даже в своих детях, в молодых рабочих заводах, получающих дозу «музыкального алкоголя» прямо на производстве, как пинут об этом из Новосибирска, вы никаких ущербов и отклонений не заметили — не обольщайтесь. Не нужно, чтобы те, кто борется с нами, оказались дальновиднее нас. Нельзя отдать душу за леденцовые окошки пряничного домика.

Теперь о третьей группе писем: «все жанры хороши» — позиция, естественно вытекающая из предыдущей. Да, конечно, жанр сам по себе не может быть дурным — и, кстати, никаких новых жанров и видов областей музыки наш XX век не изобрел. Всегда существовали и песни, и музыка для танцев, и военная музыка, и трудовая, и праздничная, и хоровая, и инструментальная... Не может быть крайностей во взглядах: одна музыка (классика) хорошая, а другая (легкая) плохая. Нет! Не по жанровым признакам, а по художественным достоинствам оцениваем мы музыкальное произведение. Но когда студентка Одесской консерватории Е. Мощицкая говорит о танцах в дискотеке как о целебном средстве, ее позиция, позиция будущего музыкального воспитателя, профессионала, меня огорчила.

«Отстаивать от Запада даже в современных ритмах непристойно. Тем более раз уж что-то в них есть, созвучное ритму повседневности» (Т. СЛЕПОВА, Новосибирск).

Как тут не вспомнить «Горе от ума» — помните монолог Чацкого на балу у Фамусова?

Кто мог бы словом и примером  
Нас удержать, как крепкою возкой,  
От жалкой тошноты по стороне чужой.

Вот уже, оказывается, когда понимал проблему А. С. Грибоедова. Вот, оказывается, как трудно было бы отнюдь не архаичному, а живому, современному, ироничному Чацкому среди нас, по-молчалиски раболопно преклоняющихся перед «стороной чужой»...

Бывало песенок где новеньких тетрадь

Увидит, пристает: пожалуйста списать...

Теперь уж не в тетрадь. Списываем на пленку. Прогресс! Только не оскорбительно ли быть, в смысле вкусов, чьей-то «провинцией»?

«Если не кривить душой, то можно смело сказать, что людей, имеющих дар тонко понимать и наслаждаться серьезной музыкой, имеется не более одной пятой к общему числу населения. И вряд ли эту цифру удастся удвоить», — утверждает В. КУПЦОВ (Волгоград).

Бывая в отдаленных сельских районах, я вижу слушателя трепетного и благодарного, с удивительной тягой к прекрасному. Да вот и письмо от З. Карелиной из Орловской области, деревня Заречье:

«У нас почти отсутствует пропаганда большой музыки. Здесь нет консерваторий, филармоний, театров. В школах разучивают песни, а вот серьезная музыка (классическая и современная) там не звучит... Попробуйте купить пластинки с записями серьезной музыки! Я как-то выслала список произведений классической и современной музыки своим родственникам в несколько городов РСФСР с просьбой купить такие пластинки. Из 32 наименований мне прислали одну...»

Письмо это с Орловщины — одно из немногих, относящих определение «современная музыка» также и к музыке серьезной, а не только к развлекательной. Не могу не присоединиться к З. Карелиной в том, что «современная» — это «созвучная времени», а время наше — во всех отношениях серьезное, и в международных делах, и в решительной перестройке в различных сферах жизни. И странно, если бы выражал его для современников и потомков только облегченно-развлекательный жанр. Какой же счет предъявится нам впоследствии, если наша музыка скажет о времени неправду? Так с мыслью о письме из деревни Заречье я начинаю последнюю группу писем — условно называю их «конструктивные».

«Я глубоко убежден в том, что у большинства юношей и девушек их музыкальные привязанности еще не устоялись, подвержены влиянию моды, а многие вообще представляют собой музыкальную пустыню, которую нужно как можно быстрее засеять добрым зерном, пока ее еще не заняли сорняки», — пишет А. МАХОНЬКО из Новосибирска.

Письмо большое, дельное, и я позволю себе привести некоторые соображения автора по волнующим его проблемам:

«Нужно закрыть дорогу безвкусице на радио и телевидении. То же относится и к эстрадным концертам. Ведь есть же художественные советы, которые утверждают репертуар исполнителей. Почему они не несут ответственности за извращение вкуса слушателей?»

Нужно поставить под строгий контроль работу пунктов звукозаписи, радиоузлов, учебных заведений, пионерских лагерей, поездов дальнего следования.

Печать, прежде всего молодежная. С газетного листа нельзя услышать музыку, но с него можно многое узнать о музыке.  
Хотелось бы, чтобы не жалели экранного времени на фильмы-оперы».

Спасибо вам, Алексей Андреевич! Под всеми вашими разумными и добрыми предложениями могу подписаться.

И вот прекрасное предложение:

«И тут открыты бы нам дома классической музыки, дома музыкального просвещения».

На этой строчке из письма Я. Стрельцова (Нальчик) можно было бы и закончить обзор читательских писем, тем более что с организацией Всесоюзного музыкального общества мечты автора, я уверен, обретут черты реальности. Но под конец так захотелось и мне посоветовать и присоединить свой голос к тем, кто хочет воспитать музыкальный вкус своего ребенка. Моему сыну 10 лет, уже давно он просит меня сводить его на оперу «Иван Сусанин» — сделать этого я не могу. Правда, и билеты достать трудно, но дело даже не в этом — не пускают детей в Большой театр вечером. А когда же им увидеть красный с золотом зал, замереть от восторга в его темноте, когда восхититься дивными декорациями и, главное, услышать звучание настоящего прекрасного оркестра, когда услышать впервые «Князя Игоря», «Евгения Онегина», «Хованщину», «Сказку о царе Салтане» (список можно продолжать до бесконечности), когда? После шестнадцати? Это поздно. Тогда они уже могут не захотеть. Послушать на пластинке? Но разве первое театральное впечатление можно сравнить с живой картины списком бледным (даже и в стереофоническом звучании)?

А ведь нет другого места в Москве, где ребенок может услышать эти оперы, включая и Детский музыкальный театр! Значит — никогда? И это — в столице! На этом восклицании я заканчиваю обзор читательских писем по проблеме «Музыка вокруг нас» и благодарю всех, кто эти письма написал.